

ИЗ ИСТОРИИ БОРСКОГО КРАЯ (XVIII- первая половина XIX вв.)

Борская крепость

В XVI в. территорию Самарского Заволжья населяли кочующие народы: ногайцы, башкиры, киргизы-кайсаки (казахи). В то же время на Волге хозяйничали разбойные ватаги казаков, проникавшие иногда по реке Самаре на Яик (Урал)¹. Во второй половине XVI столетия отдельные орды ногайцев стали совместно с крымскими татарами регулярно участвовать в набегах на русские окраины.

Для защиты восточной границы Русского государства от набегов кочевников Заволжья и контроля над казаками в 1586 г. была построена Самарская крепость. После основания крепости восточную часть Самарского края стали заселять русские поселенцы: крестьяне, помещики, церковники. Позже среди поселенцев было немало раскольников. Одновременно с русскими селятся чуваши, мордва, черемисы (марицы).

В 1630-е гг. из Центральной Азии в пределы Самарского края перекочевали калмыки, вытеснившие ногайцев. Весной 1634 г. между ними произошла битва, кончившаяся поражением ногайцев. Часть последних признала власть калмыков, а не подчинившиеся ушли в приазовские степи.

По мере распространения и расширения русской колонизационной волны начались стычки между русскими и кочующими народами. В 1639 г. калмыки вместе с ногайцами напали на Самару, но были разбиты. Для безопасности поселившихся в Самарском крае русских людей и оттеснения кочевников в глубь степей стали возводить линии крепостей вдоль рек. В правление царя Алексея Михайловича в 1652 г. построили Закамскую линию (от Белого Яра по реке Черемшану через Ерыклийск и Тиинск к Билярску).

Другая линия крепостей - Новозакамская (от крепости Алексеевской к крепости Красному Яру, Сергиевску и дальше на северо-восток) - была начата в царствование Анны Иоанновны в 1732 г. В 1736 г. линия крепостей проложена по реке Самаре от города Самары к Оренбургу: крепости Красносамарская, Борская, Бузулукская, Елшанская, Ново-сергиевская.²

В 1736 г. начальник Оренбургской экспедиции по земледельческому и промышленному освоению земель Заволжья и Южного Урала И. К.-Кирилов поручил тестю своему поручику П. С. Бахметеву отправиться водою вверх по реке Самаре и строить в удобных местах крепости расстоянием одна от другой в 30-40 верст (сообщение Оренбурга с внутренней Россией удобно было через Самару, а не через Казань).

П.С.Бахметев, получив в Самаре и в Алексеевске от Закамской канцелярии необходимые для строительства крепостей инструменты, приступил к возведению Самарской укрепленной линии. Летом отряд рабочих из Алексеевска направился вверх по реке Самаре. И при урочище Красный Яр застроил первую крепость назвав ее Красносамарской.

В конце июля - начале августа была застроена Борская крепость. Место для застройки крепости было выбрано удобное: с одной стороны ее окружал высокий берег реки Самары, с другой - широкий песчаный овраг. В трех верстах от этого места располагался обширный сосновый бор, который и определил название стоящейся крепости - Борская.³

Крепость была окружена рвом, земляным валом, деревянными стенами, составлявшими правильный четырехугольник. На четырех углах и на линиях стен между углами были бастионы, на которых стояли две пушки. Гарнизон крепости состоял из 100 человек служилых казаков, переведенных сюда из Яика и закамских пригородов. Первоначально они назывались малолетками, так как служили не бессрочно (только до самой смерти), как поселенные в крепости солдаты, а 25 лет.⁴

Солдаты (Андреевы, Парашины, Татариновы, Вавиловы и другие) назывались пахотными.⁵ Они несли сторожевую службу, отражали на беги кочевников, охраняли проходящие торговые караваны. За службу солдаты получали земельные наделы и небольшое жалованье.

Во время набегов кочевников солдатам и казакам по долгу службы приходилось рисковать жизнью. В сентябре 1737 г. башкиры напали на работавших в лесу казаков, убили семь человек, двоих ранили и угнали пятнадцать лошадей. Один человек пропал без вести. Через четыре дня после этого события башкиры угнали табун лошадей, зарезали караульного, убили троих казаков на покосе.⁶

Но риск вознаграждался. Казаки (Синельниковы, Бочкаревы, Головачевы, Волковы, Соколовы, Кудашевы, Портновы и другие) составляли полупривилегированное военно-служилое сословие. За этим сословием закреплялись земли, луга, леса, водоемы. Причем по размерам они значительно превышали солдатские наделы. Военно-служивое сословие освобождалось от подушной подати и рекрутской повинности.

Кроме солдат и рядовых казаков, в Борской крепости имелся и начальствующий состав из дворян: капитан Лабухин, прапорщик Кузнецов, подпрапорщик Сенокосов, унтер-офицеры Панарин, Богданов, Соловьев, вахмистры Родыгин, Соболев, сержанты Красильников, Мельников, Портнов, Ширшов, имевшие собственную землю и рядовых людей.⁷

С каждым годом население Борской крепости росло. Сюда стали переселяться ремесленники, купцы. Из центральных губерний России в Заволжье бежали крепостные крестьяне в надежде на спасение от поме-

щичьей кабалы, они оседали при крепостях, где записывались в казаки, получали небольшой надел земли и без всякого жалованья несли службу: воевали с кочевниками, перевозили почту и чиновников от крепости к крепости.

В 1742 г. начальнику Оренбургской экспедиции И.И. Неплюеву удалось добиться от правительства, чтобы беглые, записанные по линии крепостей, были там окончательно оставлены и зачтены прежним их владельцам за рекрутов. Предварительно в крепостях провели перепись всех поселившихся беглых и вольных людей - казаков. В Борской крепости она была осуществлена 26 апреля 1740 г. К этому времени здесь проживали и несли службу уже 179 казачьих семей, общим числом 507 человек. «Начальствовал» над казаками «атаман с помощником». В переписи значатся атаман Михаил Богатов, есаул Алексей Мордовин, два сотника - Лукьян Кадушников и Захар Синельников, двое хорунжих - Андрей Бочкирев и Макар Плотников, десять пушкарей: Головачев, Васильев, Иванченков и другие, толмач (переводчик) - мордвин Егор Сетверов. По национальному составу среди казаков преобладало русское население - 162 человека, на втором месте стоит мордва - 13 человек, затем идут трое поляков и один чувашин.

Поселившимся хотелось прикрепиться на новом месте и они давали правдивые показания: 12 семей крепостных крестьян принадлежали помещикам, князьям, церквам, 27 семей - монастырям, 62 семьи крестьян - членам и родственникам царской фамилии. Были здесь и бобыли (крестьяне, не имевшие надела) и ватажные крестьяне, зачисленные в категорию «непомнящих рода и племени».⁸

Бежали они с родных мест Симбирской, Нижегородской, Казанской губерний от «мирского голода», «от пустоты села, запустевшее тягостью податей», от нехотения платить подушный оклад, «съехал в найме на судах в Астрахань», да так и не вернулся, полюбив вольное житье. «Услышав милостивые указы, являлись в Оренбургскую экспедицию в Самару и записывались в казаки по крепостям».⁹

В 1762 г. в Борской крепости имелось около 250 дворов и одна церковь - Сретения Господня. Население крепости занималось земледелием, рыболовством, охотой, ремеслами, торговлей. В бору водилось много лосей, за которыми «обыватели в марте месяце ходят на промысел, и, убивая их немало, продажею кож и мясом сих зверей пользуются»¹⁰

Сама крепость, по описанию естествоиспытателя, академика П. Палласа, посетившего Борский край в 1769 г., к этому времени уже утратило прежнее значение в военно-стратегическом отношении. Она обветшала, стены совсем развалились и «вместо оных поставлены только рогатки».¹¹

Борская крепость превращалась в обычное село.

«Приятнейшая страна»

«Не можно представить себе приятнейшей страны: ибо во многих местах находится лес сосновый, осиновый, березовый, также есть изобильные травами холмы и сенокосные луга. Сию вдоль Самары простирающуюся страну больше всех должно бы населить, потому что там довольно изрядной пахотной земли для множества деревень; также не недостатка в лесах, и много преизрядных сенокосных лугов. В сей стране водятся еще дикие козы, сайги называемые, лоси, горностаи, куницы медведи, множество журавлей, диких гусей с детенышками» - писал 1769 г. академик Петр Симон Паллас, восхищенный местностью, расположенной на пути к Борской крепости, отметив, что «и начали оной почти при всех в Самару текущих речках заводить господские деревни».¹²

Ко времени проезда Палласа край к югу от Борской крепости был малозаселенным. До конца XVIII столетия осваивалась территория между реками Самарой и Кутулук. Южнее реки Самары переселенцы появились в основном в конце XVIII - первой половине XIX вв.

В 1739 г., после основания Борской крепости, на реке Кутулук вели новую крепость. Поселили в ней роту Сергиевского полка. Но изза отдаленности от Борской крепости вскоре ее покинули. Здешние земли раздали в дачи помещикам.¹³ 20 апреля 1749 г. на правой стороне реки Кутулук разрешено было отвести земли поручику Пензенского полка В.М.Страхову, подполковнику Уфимского драгунского полка А.М. Языкову и секретарю Оренбургской канцелярии И.А.Коптяжеву.

В деревне Кутулук (Страхово) Василия Михайловича Страхова в 1760 г. числилось 42 души мужского пола. Вскоре он перевел сюда из Симбирского и Казанского уездов еще 49 душ мужского пола.¹⁴ С 1781 г. деревня приобрела статус села: на средства помещицы Анны Страховой была построена каменная церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского.¹⁵

Заселена была и деревня Кутулук (Коптяжево) Ивана Андреевича Коптяжева. На 7 января 1757 г. она состояла из 5 дворов и в ней числилось 26 душ обоего пола (11 душ мужского, 15 - женского).¹⁶ В 1870-х годах существовала легенда, что проживавшая в Коптяжево родственница директора Оренбургской таможни П.С.Обухова помещица Коптева (Коптяжева или Аксинья /Анисья/ Степановна Ногаткина?) еще до пугачевского бунта подарила крестьянам всю свою землю на условии, что они будут содержать «ее по конец жизни».¹⁷

Сам Петр Степанович Обухов оказался соседом Василия Страхова. На приобретенной им «по силе указов» земле возникла в начале 1750-х гг. деревня Обухово (ныне Богатовский район). В 1770 г. на средства

полковника П.С.Обухова построена деревянная церковь во имя Знамения Божьей Матери. По церкви село называли Знаменским.¹⁸

Основанное Александром Михайловичем Языковым селение стало приданным его дочери Ирины, вышедшей замуж за подполковника Дмитрия Федоровича Апраксина. В 1766 г. в Языково возведена церковь во имя Казанской Богородицы.

В 1761 г. между подполковницей И.А.Апраксиной и атаманом самарских и оренбургских казаков полковником В.И.Могутовым произошел конфликт. Могутов попросил отвести ему земли близ реки Кутулук, где «он для содержания своего желает крестьян поселить». Против этого высказался управляющий Апраксиной, заявив, что эту землю его госпожа купила у башкир в 1759 г. для расселения крестьян из своего сельца, полученного в приданное. Конфликт был разрешен губернскими властями в пользу В.И.Могутова, предпочитавшими в таких ситуациях считать законным именно пожалование, а не покупку. Апраксиной было указано, что она не имеет права оспаривать пожалований другим. Так возникло село Могутово (ныне в Оренбургской области).¹⁹

В ноябре 1755 г. капитан ландмилицкого Билярского драгунского полка Лев Никитич Неплюев с родным братом поручиком Федором Никитичем купили «в вечное владение» у надворного советника Петра Федоровича Есипова пожалованную ему Оренбургской канцелярией в 1754 г. землю «с лесными угодьями, с сенными покосами по реке Тутовле (Кутулуку - В.А.) и впадающим в нее речкам». На этой земле, находившейся в смежности с дачами подполковника Александра Михайловича Языкова и Ивана Андреевича Коптяжева, появилась деревня Неплюевка (ныне село Подгорное), ставшая впоследствии сельцом - селением, в котором находился господский дом.

По наследству деревня перешла в совместное владение детям Льва Никитича (Александру) и Федора Никитича Неплюевых. В 1795 г. коллежский асессор Николай Федорович обладал 30 душами мужского пола и 30 - женского.²⁰ Поручик Василий Федорович - 27 душами мужского пола, 27 душами женского пола и 13 душами мужского пола, доставшимися в приданое его жене. Титулярный советник Порфирий Федорович имел 25 душ мужского пола и 25 - женского.

Позднее в 100 саженях от деревни появилось имение помещика Василия Александровича Никулина (Микулина). В 1776 г. «значится вновь же построенной его деревне Никулиной душ до семидесяти».²¹ С 1825 г. сельцо Васильевка-Микулино-Неплюево стало селом в связи с возведенной на средства прaporщицы Елизаветы Васильевны Микулиной, титулярного советника Ивана Александровича Неплюева, коллежского асессора Василия Ивановича Русенева церковью, имевшей престол во имя Рождества Христова.²²

Появилась деревня титулярного советника И. Ласкаря - Ильинского Ласкарево, ставшая принадлежать к концу царствования императрицы Екатерины II майору Андриану Михайловичу Лопатину и его жене Екатерине Прокофьевне. В 1795 г. в деревне проживало 167 душ обоего пола (72 души мужского пола).²³

В 1770-е гг. образовалась «вотчина» поручика Дмитрия Никитича Спечинского. В 1776 г. он информировал Оренбургское духовноеправление о желании построить в своей деревне Дмитриевка «и того же помешника Спечинского деревни Никитинская и Никольская (кои то Спечинский все присоединяя в том доношении написал одною Дмитриевкою)» находились в приходе церкви села Языково. Приходских дворов в Дмитриевке было 13, в Никитинской (ныне Петровка) - 8, Никольской (Соковнинка) - 18.²⁴

По просьбе Спечинского митрополит Казанский Вениамин определил в его селения «для исполнения треб» священника Прокопия Иванова, поступившего впоследствии в штат церкви села Геранькино-Николаевка-Неприк, ибо «проситель в своей деревне Дмитриевке о строения церкви отказался». ²⁵ Из-за близкого расстояния вотчины отставного поручика Дмитрия Спечинского, заседателя Оренбургского совместного суда прапорщика Василия Микулина и помещиков Неплюевых приписаны были в 1787 г. в приход церкви села Геранькино Николаевское-Неприк.²⁶

Наследниками Спечинского оказались его дочери. Мария Дмитриевна Неклюдова унаследовала сельцо Старое Спечинское (Дмитриевка) прозванное в народе Неклюдовым. Сельцо Никитинское (Новое Спечинское) досталось Александре Дмитриевне Воронцовой. По имени ее сына подпоручика Петра Ивановича, вступившего в права наследства сельцо получило название Петровки. Сельцом Никольское-Приют Малое Спечинское владела Екатерина Дмитриевна Ребровская, перешедшим затем к ее дочери Софье Ниловне Соковниной.

В 1770-х годах возникла деревня Подсолнечное-Радково. В 1784 г.ней было 18 дворов, и принадлежала она помещикам Василию, Павлу Акулине, Ирине Радковым (Ратьковым).²⁷

Освоение «райского уголка» не обходилось без скандалов. 1 июля 1776 г. начальник над поселениями отставных из армейских полков генерал-майор Миллер предписал отвести за рекою Самарою на луговой стороне у большого затона близ Борской крепости землю капитану Михаилу Титовичу Коробцову. Земля отводилась ему взамен изъятой 1742 г. около пригорода Новошешминска Закамской укрепленной линии. Но в 1779 г. сменивший Миллера князь Туркистанов во владении землей Коробцову отказал, находя, что «земля принадлежит к поселению отставных» из лейб-гвардейских полков. Коробцов подал просьбу

в правительственный Сенат об удовлетворении его землею. 22 марта 1788 г. Сенат предписал Уфимскому и Симбирскому генерал-губернатору О. А. Игельстрому просьбу Михаила Коробцова удовлетворить. В 1791 г. Бузулукский уездный землемер Древс отмежевал Коробцову во владение «из казенной земли по приоконовенности дачи Борской крепости в расстоянии 10 верст 1680 четвертей удобной земли по речкам Мойке, Таволжанке, Кутлубанке и по реке Самаре по обе стороны».

Земля, отведенная в 1776 г., окончательно утверждена за Коробцовыми 31 октября 1828 г. в количестве 1400 десятин. Из них 1000 десятин Петр Михайлович Коробцов продал 14 апреля 1816 г. надворной советнице Прасковье Никитичне Фоковой. В 1837 г. сноха Петра Авдотья Осиповна с детьми продала коллежской советнице Анне Ивановне Стрелковой 200 десятин земли.

До утверждения за Коробцовыми количества земли между ними и жителями Борской крепости велась земельная тяжба, начатая титулярным советником Львом Михайловичем Коробзовым и продолженная его братом Петром Михайловичем. Во время межевания дачи Борской крепости землемер Земляников замежевал борским жителям часть земли, отмежеванной Михаилу Коробцову. Лев Коробцов подал жалобу Оренбургской казенной палате. Борским жителям велено было во владение Коробцова «не вступать». Межевою конторою проведена проверка отведенной земли Борской крепости. В результате проверки землемером Золотухиным в 1800 г. земли сельца Михайловки-Коробцовки оказалось, что землемер Древс во владение Михаилу Коробцову вместо 1680 четвертей отмежевал 10498 десятин с сажениями удобной и 666 десятин с сажениями неудобной земли. Оренбургская казенная палата велела отрезать Коробцову только 1680 четвертей, а остальную - оставить пока во владении борских жителей. В 1815 г. Межевая контора определила: нарезать к сельцу Михайловка-Коробцовка земли 3360 десятин. Но вместо предположенных к нарезке 3360 десятин Коробзовым выдали план только на 1400 десятин.

По пятой ревизии 1795 г. в сельце Михайловка-Коробцовка (ныне поселок им. Клары Цеткин) числилось 20 душ обоего пола.²⁸

Во владение помещицам Пелагее Глебовне Богдановой, урожденной Никулиной (Микулиной), и вдове Елизавете Васильевне Микулиной Оренбургская межевая канцелярия продала «дикопорозжие земли» по реке Кутулук. В 1816 г. деревня Ключевка-Богдановка состояла из 17 дворов. Пелагея Богданова позволила поселиться в ней и государственным крестьянам.²⁹

В 1799 г. майор Сергей Федорович Марычев и подпоручик Иван Сергеевич Марычев владели сельцом Елховка-Марычевка, образованном не позднее середины 1790-х годов (ныне Богатовский район).³⁰

Земельным наделом, на котором возникла деревня Богоявленская Скobelево, в первой пол. XIX в. был пожалован генерал-лейтенант Иван Никитич Скobelев (1778-1849) - дед прославленного в русско-турецкую войну 1877-78 гг. генерала Михаила Дмитриевича Скobelева (1841-1882). В 1841 г. в деревне проживали 32 крестьянских семьи (140 душ мужского пола и 116 - женского). Штабс-капитан Александр Петрович Соковнин владел сельцом Приют Малое Спечинское или Софинки по имени его жены Софьи (ныне Соковнинка), состоявшим в 1841 из 26 дворов. Благодаря тайной советнице Марии Михайловны Челищевой появилась деревня Марьевка (в 1841 г. - 53 крестьянских двора).³²

Названия помещичьих сел и деревень обычно давали по фамилиям их владельцев. Второе название они носили по имени построенной церкви. Помещичьи крестьяне, переведенные из Симбирской и Пензенской губерний, были малочисленны и составляли небольшую часть населения. Образование помещичьих имений в Самаро-Оренбургском крае заметно усилилось с 1775 г. Дворяне, офицеры и чиновники, участвовавшие в подавлении восстания Пугачева, получили земельные пожалования от царского правительства. В новых владениях крупные помещики не селились. За хозяйством следили их управляющие. Мелкие наоборот, предпочитали жить в своем имении, изредка наведываясь городское общество.

Рядом с владениями помещиков селились крестьяне казенного ведомства из новокрещенных чуваш и мордвы. В 1760-70-е годы появились чувашские селения: село Николаевское-Геранькино (Неприк), деревни Старое Геранькино (Большое Алдаркино) и Новое Геранькино основанное шестью чувашскими семьями из села Яшашино Казанской губернии во главе с беглым крестьянином Герасимом.

В сентябре 1776 г. в деревню Геранькино-Неприк Оренбургское духовноеправление отправило священника Егора Антонова для строительства церкви. В 1777 г. он писал правлению: «И та называемая деревня Геранькино вновь поселившихся из чуваш новокрещен близ Борской крепости его первосвященством наименовано селом Николаевкой».

Один из жителей по имени Геранка подбивал народ не строить церковь, за что былбит плетьми «нешадно».³³ Возможно, этот ярый язычник и был основателем деревни. 11 мая 1783 г. построенную деревянную церковь во имя Николая Чудотворца, сгоревшую в 1809 г. и вновь возведенную в 1861 г., освятили.³⁴ Деревни Старое Геранькино и Новое Геранькино находились в приходе этой церкви.

По пятой ревизии 1795 г. в Неприке насчитывалось 70 дворов, 174 душ мужского пола, 179 - женского; Новой Геранькино - 53 двора, 151 душ мужского пола и 154 - женского; Старой Геранькино - 103 двора.

256 душ мужского пола и 257 - женского. Земли жителям этих селений отмежевано было 9152 десятин.³⁵

В 1792 г. «из мордвы новокрещенных заводчик (разводитель лошадей - В.А.) Иван Леонтьев со товарищи» просил перевести из прихода церкви села Страхово в приход Борской крепости из-за разлива реки Кутулук.³⁶ Деревня их, основанная в 70-х годах, носила двойное название: Ивановка (данное по имени основателя) и Коноваловка (жители занимались лечением и кастрированием скота). В 1795 г. здесь жили 102 семьи (308 душ мужского пола и 276 - женского). В 1801 г. землемер Золотухин отмежевал им земли 19218 десятин 434 сажени.³⁷

С конца 80-х - начала 90-х годов XVIII в. недалеко от Борской крепости существовал хутор Немчиновка, а казак Рогожников на речке Котлубань держал казенную оброчную водяную мельницу, имевшую усадебную землю в двадцать саженей.³⁸ Около 1828 г. переселенцами из Тамбовской губернии образованы деревни Долматовка, названная по фамилии разыскателя мест для поселения крестьянина Севостьяна Ивановича Долматова (в 1837 г. - 12 дворов, 114 душ обоего пола), и Елховатка (в 1841 г. - 24 двора, 119 душ мужского пола и 127 - женского)³⁹. В середине XIX в. небольшая часть жителей Алдаркино (Большое) основали Малое Алдаркино, расположившееся несколько южнее; мокшанами и русскими образована деревня Землянки-Николаевка.

Южную сторону от реки Самары называли «ордынской», «киргизской» и селений, расположенных вдали от реки, до последней четверти XVIII в. не было. «Пять верст от Борска по ту сторону Самары переезжают текущую речку Заплавную, которая составляет небольшое озеро, и после того впадает в Самару. Потом следует высокая, песчаная и сухая степь, 13 верст далее находится другая малая речка, непристойным именем Гузномойка называемая, при которой был прежде умет или постоянный двор, а ныне построено несколько крестьянских дворов».⁴⁰

Мойский умет, возникший сразу после строительства укрепленной линии между Борской и Елшанской крепостями, содержали без всякого жалованья борские казаки, командировавшиеся сюда. Умет служил для проходящих обозов и караванов ночлегом или кормежкой лошадей и верблюдов. Позже здесь поселили своих крестьян помещики. В 1790-х годах совладельцами сельца Мойки-Новинки были Анастасия Михайловна Бронская и подпоручик Михаил Иванович Попурин.⁴¹

Гвардейская слобода, основанная на берегу речки Таволжанка в 1772 г. двумя десятками солдатских семей из гвардейских частей, прослуживших более двадцати лет, стояла в стороне от дороги из Самары в Оренбург. В 1774 г. она подверглась разорению киргиз-кайсаками (казаками), воспользовавшимися бунтом Е.И.Пугачева. Тем не менее в 1781

г. в слободе насчитывалось 40 дворов, а в 1795 - 56, 157 душ мужского пола и 187 - женского.⁴²

По возведенной часовне во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, в которой служил священник Василий Яковлев со своим сыном дьячком Григорием, слободу называли Благовещенской. Функционировала часовня не долго. 24 июля 1788 г. благочинный священник села Знаменское-Обухово Алексей Андреев по указу Оренбургского духовного правления закрыл ее «и всю ризницу и другое имущество по описи Борскому священнику врученина».⁴³

В 1780 г. после реформы местного управления Самара была приписана в качестве уездного города к Симбирскому наместничеству, а Бузулук сделан в 1781 г. уездным городом Уфимского наместничества (1796 г. Оренбургской губернии). Крепости, построенные на берегу рек Самары, утратили военно-стратегическое значение. Правительство положило в основу внутренней политики по отношению к неспокойным инородцам усиленную колонизацию свободных земель: стало приглашать казенных крестьян переселиться в Самаро-Оренбургский край.

На осваемые земли Заволжья в Оренбургскую губернию отправилось 2148 душ однодворцев (потомков мелких служащих людей) из села деревень Тамбовской губернии.⁴⁴ В Борской крепости из них осталось 58 мужчин и 67 женщин (15 дворов), являвшиеся жителями села Ярославки Козловского уезда.⁴⁵

Несколько семей однодворцев поселились с разрешения Оренбургского губернатора близ озера Заплавного. На рубеже XVIII-XIX века (1795 г.) в деревне Заплавной числилось 105 дворов, 278 человек мужского пола и 349 - женского. В 1800 г. во владение заплавинцев было оформлено 10588 десятин и 228 саженей земли, часть которой отрезалась у титулярного советника Льва Михайловича Коробцова.⁴⁶

В конце 80-х - 90-х годах в 20 верстах к югу от деревни Заплавной по обеим сторонам речки Таволжанки и по правой стороне Сухой речки поселились новокрещенные чуваши, образовав деревню Таволжанку (Старая Таволжанка), состоявшую в 1800 г. из 32 дворов с 98 душами мужского пола и свыше 80 - женского. Во владение таволжанца отмежевали 1759 десятин 1726 саженей земли.⁴⁷

Переселенческое движение южнее реки Самары особенно усилилось крестьянами из Тамбовской губернии между 1816-1834 гг. Но население образуемых деревень не составляло однородную массу из одной губернии и уезда. К первым поселенцам в течение последующих лет присоединялись выходцы из других губерний: к тамбовцам курчане, рязанцы. Выбор места определялся при помощи «ходоков» или «садчиков». По именам и получали большинство селений названия.

На правой стороне речки Сухая Таволжанка, рядом с многочисленными озерами, населенными стаями диких уток и другой птицы, и погорагами, по которым зеленели леса, обосновался крестьянин Алексин. В 1815 г. деревня Алексеевка, Таволжанка тож, насчитывала 20 дворов (50 душ мужского пола и 60 душ женского).⁴⁸

В 1828 г. было разрешено поселиться у речки Таволжанка переселенцам-однодворцам из села Куликовки Усманского уезда Тамбовской губернии в числе 291 души мужского пола. Предание гласит: во время переезда речки у одного из переселенцев Тимофея Зенина сломалась ось телеги и они остановились на этом месте, образовав деревню Усманку.⁴⁹

Одновременно в двух верстах к югу от деревни Таволжанка основана деревня Гостевка.

В 1820-30-х годах появились селения и вдоль речки Сухая Безымянка - деревни Баженовка, Покровка, Перовка-Лебедяновка, Благодаровка. В Баженовке, названной по фамилии одного из переселенцев, в 1833 г. проживало 173 души обоего пола. Перовка-Лебедяновка в 1837 г. состояла из 54 дворов (690 человек обоего пола).⁵⁰ Деревня Благодаровка, также называемая Кормежкой (здесь останавливались для кормежки лошадей крестьянские обозы, следуемые из Борской крепости в Землянки (ныне Алексеевка Алексеевского района) и дальше в южные степи), в 1841 г. насчитывала 44 дома, а Покровка, где проживали однодворцы, отставные солдаты и сектанты по вероисповеданию: молокане, субботники, - 77 дворов.⁵¹

В трех верстах от Гвардейской слободы облюбовали себе место «на дачах казенной дикопорожней земли деревни Осиновки и слободы Благовещенской, Гвардейцы тож», однодворцы и государственные крестьяне, основавшие деревню Широченково, в которой в 1837 г. находилось 7 дворов (96 душ обоего пола).⁵²

Наряду с крестьянами в крае селились мещане, купцы, разночинцы. В Борской крепости поселилось 49 семейств (в числе 92 душ) отпущенников (помещичьи крестьяне, отпущенные на волю), удельных крестьян, солдат, одного купца и казака, устроившие два салотопенных и один мыловаренный заводы. С марта 1852 г. началась тяжба об их выселении, длившаяся по ноябрь 1853 г. Чиновник по надзору за переселенцами Кратков по злобе донес на них в Самарское губернскоеправление о стеснении разночинцами государственных крестьян в земельном вопросе, лишая их многих выгод: якобы они не платят обществу за прокормление своего скота на общественных пастбищах, внося только пастушную сумму, самовольно пользуются лесом, купив у казаков, перешедших на другую линию, на удобных торговых местах дома, пользуются выгодами и, наконец, «не имеют законных видов на проживание».

Бузулукский земский суд, рассмотрев дело, опроверг обвинения и установил, что «лица эти проживают с очевидной пользой в крепости Борской для государственных крестьян, и едва ли кто из последних может принести жалобу на стеснении иногородних лиц».⁵³

Переселившимся крестьянам правительство предоставляло льготы: в лесистых местах по 25-50 бревен на постройку избы, в степных - деньги на гами по 40-50 рублей на двор, на три года освобождало от рекрутской повинности и уплаты податей.⁵⁴

Заселяя край, крестьяне осваивали и его плодородные земли. Хлебопашество в их жизни оставалось на ведущем месте. Поднятые залежны земли, обрабатываемые сохой, сабаном и бороной, находились в трехпольном севообороте. Применялась (особенно у таволжанцев) и переложная система: в течение трех лет на обработанной земле получали хорошие урожаи, затем для восстановления плодородия землю пускали в залежь на 10-15 лет, «а вместо той земли распахивали вновь степи, тут потом по прошествии нескольких лет ту запущенную залежь по-прежнему распахивали и сеяли». Впоследствии из-за увеличения плотности населения такая система вытеснилась трехпольем.

Возделывали рожь, пшеницу, полбу, ячмень, овес, горох, гречиху, коноплю, лен. Сеяли вручную из мешка или лукошка. Посев озимых проводили между 1 и 15 числами августа (ст. стиля), обычно после дождя и при его отсутствии мог затянуться на более поздний срок. Весенний сев, проводившийся с начала или середины апреля до 9-10 мая, начинался в следующем порядке: пшеница, овес, полба, ячмень, горох, лен, просо и гречиха. В сухую весну перед сеянием овес и ячмень затем пшеницу. При сабанной вспашке семена закрывались бороной. При посеве по жниве, «невспаханной земле, которая и без удобрений плодородна», - сабаном или сохой, за которыми вслед идет борона на несколько следов.

С Казанской (8 июля) и до Ильина (20 июля) начиналась уборка урожаев. В конце июля - начале августа - ячменя, овса, пшеницы, гороха, проса, лена, гречи, конопли. Рожь и пшеница убирались серпами, остальные косами. Лен и коноплю теребили. Сжатые или скоченные хлеба связывали в снопы. В сухую погоду их складывали в скирды. Рожь, овес молотили цепами, остальные хлеба - лошадьми: гоном или запряженными в телегу. Процесс этот могли осуществлять как в поле, так и в деревне.

Необходимых в крестьянском хозяйстве лошадей, быков и коров содержали на открытых дворах - лапасах или калдах, огороженных плетнями, не всегда прикрытых соломой. Овец держали в холодных плетневых катушках и в теплушках, обмазанных со всех сторон глиной. Теля и ягнят зимой выдерживали в избе. Зимним кормом служила солома.

мякина. Сено берегли для лошадей и овец, коровам давали после отела, неся его под полой, «чтобы другая скотина не видела».

Огороды были в каждом селении. Дыни, арбузы, капусту, огурцы, редьку, лук, свеклу, репу, морковь, тыкву, картофель, подсолнухи выращивали для собственного потребления. В Борской крепости (название села крепостью просуществовало до 1870-х годов) возделывали в небольшом количестве капусту и картофель на продажу.⁵⁵

Большое значение имели и подсобные промыслы. У мордвы было развито бортничество, постепенно сменившееся на пасечное пчеловодство. Население Борской крепости охотилось на лосей, шкуры и мясо которых продавали. Рыболовство занимало существенное место в народном питании. В озерах и речках водились «лини, лещи, окуни, судаки, щуки и язи крупнее тех, кои внутри России ловятся».⁵⁶

Женщины занимались рукоделием - пряли лен, посконь, шерсть, ткали холст и сукно для себя и частично на продажу. Были и другие ремесла: бондарное, выделка кож (шили тулуны, конскую упряжь), гончарное, кузнецкое, плотницкое, шерстобитное. Особенно хорошими умельцами в бондарном, плотницком, шерстобитном и кожевенном ремеслах отличались чуваши, поселившиеся в лесных местах.

По субботам в Борскую крепость из близлежащих сел и деревень съезжались на базар крестьяне, привозившие свои товары, и торговали с возов (торговых лавок не было).⁵⁷ Существовал как натуральный обмен продуктами ремесла, так и денежный.

Бунт Пугачева

Крепостное право в Заволжье и на Урале было «наиболее жгуче, ибо произвол сильных был наиболее неудержим» - отмечал казанский историк Н.Н.Фирсов (1864-1934). В качестве примера он приводил изображенного писателем С.Т.Аксаковым в «Семейной хронике» помещика Куролесова, который драл крестьян так, что «жизнь наказанных людей спасали только тем, что завертывали истерзанные их тела в теплые, только что снятые шкуры баранов, тут же зарезанных».⁵⁸ Недовольство народа крепостничеством вылилось в крестьянскую войну во главе с Е.И.Пугачевым. Зачинщиками ее стали яицкие казаки.

5 октября 1773 г. Пугачев с армией восставших почти в 2500 человек при 20 пушках начал осаду Оренбурга. Одновременно он послал в близлежащие села именные указы, в которых призывал казаков и крепостных крестьян к себе на службу. Указы возымели действие: начались волнения среди помещичьих крестьян (особенно в селах Жданово и Языково) и недовольство среди казаков.⁵⁹

Для овладения Самарской укрепленной линией Пугачев выслал отряд под руководством атамана Ильи Федоровича Арапова. 22 декабря

Арапов вышел из Бузулукской крепости и занял крепости Елшанскую и Борскую.

Борская крепость была взята без боя. Во-первых, к этому времени она была очень плохо укреплена: стены ее пришли в ветхое состояние; во-вторых, защищать ее было некому. Перед этим для защиты Оренбурга из крепостей Самарской линии было набрано войско, потерпевшее поражение в первых стычках с отрядами Пугачева. В крепостях ж остались обыватели, имевшие на вооружении самодельные копья и рогатины.⁶¹

Пугачевцы (встреченные колокольным звоном, иконами, крестами хлебом и солью), видимо, пробыли в крепости 3-4 часа. Расположили свои обозы на площади около церкви, где тут же разделявали барабанов приведенных казаками поселянами, и варили обеды. Жителей не трогали. Перед отъездом насекоро сделали виселицу. Затем вывели коменданта Борской крепости капитана Рогова, находившегося под арестом, и посовещавшись, повесили.⁶²

А.С.Пушкин в примечании к «Истории Пугачева» приводит сведения (взятые из архивных документов, частью опубликованных), что кроме отставного капитана Петра Рогова в Борской крепости жертвами расправы стали переводчик (Матвей?) Арапов, двое отставных конной гвардии и четыре крестьянина местных помещиков - Хилкова и Обухова.⁶³

Можно предположить, что капитан, переводчик и два отставных гвардейца были убиты (как ярко это описывает А.С.Пушкин в повести «Капитанская дочка») за отказ присягнуть «императору Петру Федоровичу» и тем самым служить Пугачеву, а крестьяне - за сопротивление (например, отказались давать скот, продукты, укрывали своих помещиков и т.д.), оказанное «сброду», то есть отряду Ильи Арапова.

Одновременно араповцы создают повстанческий орган местного самоуправления и администрации. В основу их деятельности был положен казачий принцип схода («круга») и выборности. В деревнях и слободах выбирались старосты, есаулы и десятники, а для общего руководства и контроля над их деятельностью назначался атаман - в Борской крепости им стал Никита Рогожников.⁶⁴ Они должны были исполнять функции местного суда, разбирать ссоры, собирать для пугачевских отрядов амуницию, следить за работой кузниц по изготовлению оружия, наблюдать за работой мельниц, вербовать местных жителей в армию восставших.

После учиненной расправы и организации местного управления, взяя с собой продовольствие, пугачевцы оставили Борскую крепость. Вместе с ними ушли и некоторые казаки. Об этом свидетельствует сам Арапов в рапорте от 27 декабря 1773 г. в Военную коллегию, учрежденную

Пугачевым в Берде для единого руководства повстанческим войском: «Отпущеные же из армии его величества Бузулукской и Борской крепостей казаки в дома, а ныне по малоимению при мне команды, а паче по известным от злодеев (правительственных войск - В.А.) экстренным обстоятельствам, состоят в команде моей».⁶⁵

Родион Михайлов, крестьянин деревни Грязнухи, во время допроса информировал следственную комиссию (учрежденную по делу Пугачева) о добровольном вступлении казаков Самарской линии в отряд Арапова: «Дорогою же до Самары забирал он (И.Ф.Арапов - В.А.) с собою из всех крепостей как солдат, так и отставных, на поселении находящихся, из которых многие сами добровольно идти с ними пожелали».⁶⁶ Добровольно, помимо угнетенного люда, шли и «те, кому нравилось убивать, те, кому не хотелось служить в армии и защищать Отечество (шла война с Османской империей), те, кто стремился ради наживы спаивать народ».⁶⁷ Видимо, отсюда и был, по выражению А.С. Пушкина, «бессмысленный и беспощадный бунт».

Вместе с тем, войска Пугачева пополнялись и насильственно. Между отдельными помещиками и крестьянами существовали вполне сносные отношения. В этом случае крестьяне не стремились выдавать пугачевцам на расправу своих господ (что, по преданию, и сделали крестьяне деревни Коптяжево, укрывшие свою помещицу Коптеву в колесе водяной мельницы, куда сподвижники Пугачева не догадались заглянуть⁶⁸) и вступать в войско восставших.

Итак, отряд Арапова оставил Борскую крепость и двинулся на Самару, но удержать ее не смог. Под натиском правительственных войск пришлось отступить к Алексеевску. После ожесточенного боя 7 января с 24-й легкой полевой командой подполковника Петра Гринева и двумя гусарскими эскадронами Арапов покинул «пригород». В освобождении Алексеевска принимал участие и будущий русский поэт Гаврила Романович Державин, прикомандированный для проверки благонадежности полевой команды Гринева.

К этому времени относится приказ атамана казаков-повстанцев Борской крепости Никиты Рогожникова от 8 января 1774 г. к старостам помещичьих деревень Страхово, Коптяжево, Ласкаревки и Неплюевки. В приказе говорилось, что они должны прислать в Борскую крепость 9 января «казенное сено, рогатый скот - туши и живность, муки аржаной», так как «армия его императорского величества (то ли отступавший отряд Арапова, то ли сам Пугачев предполагал идти на помощь Арапову - В.А.) в Борскую крепость прибыть имеет, дабы в то время не могло последовать остановки».⁶⁹

Разбитый майором К.Муфелем под Самарой, подполковником П.Гриневым под Алексеевском Арапов отступил на Красносамарскую кре-

пость, и затем, пройдя Борскую, остановился в Бузулукской крепости. Здесь находились продовольственные склады.

Второму отряду пугачевцев во главе с атаманом Ф.Дербетевым (занявшим 20 января 1774 г. город Ставрополь) под натиском Владимира кого пехотного полка пришлось также отступать. Первоначально отряд Дербетева отступил к Борской крепости, но с приближением войск генерала П.Мансурова 7 февраля Дербетев ушел из крепости в Оренбург к Пугачеву. 10 февраля Мансуров вошел в Борскую крепость. Потом направился к Бузулукской.⁷⁰

Очевидец событий П.И.Рычков в «Осаде Оренбурга» зафиксировал следующий факт: генерал-майор Мансуров «прошел Борскую крепость встречен был злодеями и, имев с ними сражение, причинил им немало вреда, отбив у них 8 пушек, в том числе один единорог». Отбитую артиллерию десятеро солдат отвезли в Самару. Возвращаясь в Борскую крепость, где располагался их отряд, они были перехвачены калмыками и отправлены в Берду.⁷¹

К концу марта 1774 г. вся Самарская линия оказалась в руках правительственные войск. Борская крепость стала местом содержания скота отнятого у тех жителей Мочинской и Кинельской слобод, которые «злодейских шайках находились». Князь Ф.Ф.Щербатов, руководивший действиями против Пугачева с апреля по июль 1774 г., стремился до поимки Пугачева привести в полное повиновение вернувшихся и пока явшихся жителей: ордером от 20 июня 1774 г. повелел вернуть скот. При этом он предписывал обратить внимание на справедливое возвращение скота владельцам при посредстве старших атаманов.⁷²

Восстание, поднятое яицкими казаками и обросшее крестьянами и инородцами (башкирами, татарами, калмыками), правительству Екатерины II удалось подавить. Пугачева, выданного его сообщниками казнили в Москве 10 января 1775 г. К восставшей крестьянской массе применялись суровые меры: генерал П.И.Панин приказал в местностях, охваченных бунтом, повесить по одному человеку на каждые три сотни крестьян, остальных - высечь, тела казненных «положить по всем проезжим дорогам». Сотни людей были казнены, сотни - наказаны кнутом, сосланы на каторжные работы. Такая часть постигла население Борской крепости, Страхово, Обухово, Ильинское-Ласкарево. Здесь были установлены приспособления для казней и пыток: виселицы, глаголи, колесы.⁷³

Пушкин в Борском

Известно, что А.С.Пушкина интересовала крестьянская война 1773-75 гг. и личность ее предводителя Е.И.Пугачева. Для написания «Истории Пугачева» он изучает литературу и архивные материалы. Не ограничиваясь

чиваясь этим, поэт-историк решил встретиться с живыми свидетелями: престарелыми очевидцами и участниками пугачевщины. Осенью 1833 г. он совершает поездку в Поволжье и на Урал, где происходили бои между пугачевскими и правительственными войсками. В Самарском крае его путь проходил через Смышляевку, Алексеевку, слободу Мочинскую, Федоровку, Павловку, Борскую крепость и Мойку.⁷⁴

О пребывании Пушкина в Борской крепости существует предание, зафиксированное в «Записках» крестьянином Гавриилом Андреевичем Шерстобитовым (1861-1921). Предание он услышал в детстве от деда своего Алексея Семеновича Молостова (1796-1886) (год рождения установлен по метрической книге в день смерти в 1886 г. По ревизским сказкам (переписям) 1850 и 1858 гг. А. С. Молостов родился в 1800 г. Сам автор записок приводит неточные даты: 1790-1884). Согласно запискам, хранящимся ныне в Борском историко-краеведческом музее, поэт пробыл в крепости три-четыре дня. Сопровождал его офицер (может быть, Владимир Иванович Даль?) и ворчливый старик-лакей. Ежедневно он наказывал старосте собирать сходы, на которых расспрашивал о Пугачеве и пугачевцах. Особенно много о пребывании пугачевского отряда в крепости и гибели коменданта капитана Петра Рогова ему поведала одна старушка-казачка.

«А ты, бабушка, не торопись да говори по порядку!» - прерывал ее Пушкин при расспросе.

«Мы с мужем были в поле, - повествовала она о пугачевщине. – Вдруг слышим - зазвонили в набат. Думали, пожар. Но дыма и пламени не видно. Муж запряг лошадь, и мы поехали в крепость. Когда приехали - и что же? - видим, народ бегает взад и вперед как угорелый, а у церкви вся площадь заставлена обозами и занята солдатами, мужиками и инородцами, ну, словом, всякий сброд. Тут же горели костры, варили обеды, кто резал баранов, приведенных нашими казаками. Нас, поселян, они никого не обижали. Стояли они у нас три дня, на четвертый день перед отъездом вывели коменданта Борского, который был под арестом три дня, наскоро врыли два столба, положили перекладину. Совещание у них было тут же, на площади. После совещания комендант Рогов был повешен. И в этот же день уехали все до одного, а куда? - это мне неизвестно. Они забрали с собой часть наших овец и хлеба».

В селе около церкви лежали восемь пушек с отшибленными пугачевцами «ушами». Проходя мимо них, поэт подошел, постучал тростью по одной и сказал: «Эх, мать моя фамильная! Что молчишь? Не скажешь мне какую-нибудь былину прошедших времен?»

Перед отъездом, сходив к реке Самаре, он поблагодарил жителей за привет и ласковый прием. Подарил старушке, поведавшей о пугачевс-

кой эпохе, черную шелковую косынку-платок. Старосте дал два золотых, сказав с улыбкой: «Выпейте за наше здоровье». И тут, как дальше повествуется в записках, «с экипажа послышался плаксивый голос старика-лакея: «Батюшка-барин, ты бы и сюртучок им, глотам, отдал а то маловато ты им дал».

Пушкин как-то назвал лакея, засмеялся и сказал: «Ну, ладно. Первая вину прости!» Затем сели в экипаж, оба с офицером сняли шляпы, ласково поклонились и тронулись в путь. Мы (обыватели. — В.А. им вслед закричали всем сходом: «Прощай, Пушкин! Спасибо!» Он обернулся и еще раз махнул рукой».

Борским жителям Александр Сергеевич запомнился «непрятливый на вид, суровым, смуглым, курчавым, большеголовым, но речь его была задушевной».⁷⁵

Обратный путь поэта вновь лежал через Самарский край, было это примерно 26-27 сентября.⁷⁶ В селе на этот раз не останавливался. Если исходить из записей Шерстобитова, только спросил дорогу, как проехать в имение Марычева.⁷⁷

Этот рассказ долгое время существовал в устной форме. «Много, много мне дед всяких былин и преданий рассказывал, — писал Гавриил Андреевич, — но я все не мог запомнить, а записывать я тогда грамоты не знал, лишь кое-как мог разбирать печатное».⁷⁸

Поэтому не приходится удивляться, что в записках имеются очевидные неточности.

Во-первых, Пушкин не мог провести в крепости три-четыре дня. Хорошо, если три-четыре часа, ибо 15 сентября он выехал из Симбирска, а 18-го был уже в Оренбурге.⁷⁹

Во-вторых, в описываемое время в крепости не было восьми пушек Из «Экономических примечаний к планам генерального межевания», проведенного в начале XIX века, узнаем, что «из числа достопамятностей остались только три чугунные пушки с ветхими лафетами».⁸⁰

В-третьих, записывал ли Пушкин сведения, полученные на единственном сходе, или запоминал? В архиве писателя записок о беседах Борской крепости не найдено. Может быть, они утеряны?

По-разному можно относиться и к самой рукописи Шерстобитова с доверием или скептически. Но как бы там ни было, в ней все же несмотря на субъективность и очевидные неточности, есть доля истины — Пушкин посещал Борскую крепость. И не мог проехать мимо. Здесь находился «переход этапа с арестантами и беспрерывный проезд должностных чиновников, волостных и сельских начальников».⁸¹

До А.С.Пушкина, например, по этому пути проследовал в Оренбург в сентябре 1824 г. император Александр I Благословенный, имевший ночлег в городе Бузулуке. После событий декабря 1825 г. в Санкт-

Петербурге по той же дороге проследовала в ссылку часть декабристов. В 1847 г. - украинский поэт и художник Тарас Григорьевич Шевченко в ссылку в Орскую крепость. В 1837 г. проехал в Оренбург будущий император Александр II Освободитель.

Повествование о Пушкине дает основание предположить, что увиденное и услышанное поэтом в Борском было использовано в повести «Капитанская дочка». Ворчливый старик-лакей, сопровождавший его, напоминает лакея Петруши Гринева - Савельича. Гибель коменданта Борской крепости капитана Рогова, рассказанная казачкой, возможно, послужила основой для описания казни коменданта Белогорской крепости Миронова. Да и в названиях крепостей Борская и Белогорская есть звучность: убери четыре буквы в слове Белогорская, что получится?..

Автор ведет героя повести тем же путем: из Симбирска в Оренбург, каким ехал сам. Описание метели, в которой ни эги не видать, места, «похожие на печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами», Белогорская крепость в виде «деревушки, окруженной бревенчатым забором», степные уметы, напоминавшие «разбойническую пристань», - все это соответствовало реалиям Самарской укрепленной линии пугачевского времени. И по истечении 60 лет ко времени проезда Пушкина по Самаро-Оренбургскому краю здесь мало что изменилось.

Примечания:

1. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 145.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрана. Т. XXVIII. Кн. 56. СПб., 1900. С. 187-188; Гурьянов Е. Ф. Древние вехи Самары. 2-е изд. Куйбышев, 1986. С. 62-63; Елшин А. Г. Самарская хронология. Вып. 1. Самара, 1918. С. 9-11, 29, 35.
3. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 319-322; Он же. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург, 1896. С. 25.
4. Сборник статистических сведений по Самарской Губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 3. Бузулукский уезд. Самара, 1885. С. 9-10; Борская крепость Бузулукского уезда с ее населением, землями и угодьями в начале текущего столетия // Самарские губернские ведомости. 1882. 24 марта.
5. Носков В. Селу Борскому – 250 лет // Борские известия. 1984. 9 августа.
6. Лупаев П. Д. Красносамарская крепость // Самарский краевед. Куйбышев, 1990. С. 278.
7. Носков В. Селу Борскому – 250 лет ...
8. Там же.
9. Сыромятникова В. Страницы прошлого // Борские известия. 1966. 19 ноября; Преображенский П. А. Беглые крестьяне Самарского края в XVIII в. Вып. 3. Самара, 1922. С. 10.
10. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 322.

11. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи Ч. 1. СПб., 1773. С. 312.
12. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. С. 297, 298, 313.
13. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 322.
Елшин А. Г. Самарская хронология. Вып. 1. Самара, 1918. С. 41.
14. Край Богатовский (Очерки истории Богатовского района с древности до начала XX века). Самара, 2001. С. 71
15. Госархив Самарской области (далее: ГАСО). Ф. 32. Оп. 14. Д. 1. Л. 39 об.
16. Госархив Оренбургской области (далее: ГАОО). Ф. 172. Оп. 1. Д. 1913. Л. 3.
17. Иванчин-Писарев А. И. Из воспоминаний о «хождении в народ» // Заветы. 1913. № 4. С. 87.
18. ГАСО. Ф. 32. Оп. 14. Д. 1. Л. 44; Край Богатовский. С. 155.
19. Край Богатовский. С. 71, 72.
20. ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 104. Л. 74 об., 102.
21. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4379. Л. 1.
22. ГАСО. Ф. 32. Оп. 14. Д. 1. Л. 2.
23. ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 224. Л. 93; ГАОО. Ф. 173. Оп. 7. Д. 656. Л. 20 об.
24. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4379. Л. 1 об.
25. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 5279. Л. 1.
26. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 5363. Л. 1.
27. Борский историко-краеведческий музей (далее: БИКМ). Инв. № 3867/1. (Архивные справки о возникновении сел Борского района). Л. 5.
- 28 ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 224. Л. 51 об., 52-54, 58-62, 125, 224, 16 об., 180 об., 181.
- 29 ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 224. Л. 93; ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 39. Л. 40.
- 30 БИКМ. Инв. № 3867/1. Л. 4.
- 31 ГАСО. Ф. 32. Оп. 14. Д. 7. Л. 5 об., 19, 24 об.
- 32 ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4391. Л. 1
- 33 ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4729. Л. 3.
- 34 ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4929. Л. 1.
- 35 БИКМ. Инв. № 3867/1. Л. 2, 3.
- 36 ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 6075. Л. 1.
- 37 БИКМ. Инв. № 3867/1. Л. 4.
- 38 ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 224. Л. 130; Яковлев П. Из архивных документов Борская крепость // Борские известия. 1969. 5 августа.
- 39 ГАСО. Ф. 32. Оп. 14. Д. 6. Л. 47 об.; Д. 7. Л. 6
- 40 Паллас П. С. Указ. Соч. С. 313, 314.
- 41 ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 224. Л. 93.
- 42 ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4677. Л. 42 об.; БИКМ. Инв. № 3867/1. Л. 5, 6; Самарская область (География и история, экономика и культура). Учебное пособие. Самара, 1996. С. 646.
- 43 ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 5591. Л. 1.
- 44 Сыромятникова В. Страницы прошлого // Борские известия. 1966. В ноябре.
- 45 Борская крепость Бузулукского уезда с ее населением, землями и угодьями в начале текущего столетия // Самарские губернские ведомости. 1882. 24 марта

- 46 Сыромятникова В. Страницы прошлого; Яковлев П. Из архивных документов. Деревня Заплавная // Борские известия. 1969. 16 августа.
- 47 Яковлев П. Из архивных документов. Деревня Таволжанка // Борские известия. 1969. 21 августа.
- 48 ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 34. Л. 108.
- 49 БИКМ. Инв. № 3867/2. Л. 1, 3.
- 50 БИКМ. Инв. № 3867/2. Л. 6; ГАСО. Ф. 32. Оп. 14. Д. 6. Л. 51 об.
- 51 ГАСО. Ф. 32. Оп. 14. Д. 7. Л. 78 об.
- 52 ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 2369. Л. 1; Ф. 32. Оп. 14. Д. 6. Л. 51 об.
- 53 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. Л. 2, 13, 14, 32-35.
- 54 Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 3. Самара, 1885. С. 13.
- 55 Там же. С. 59-69, 78; Преображенский П. А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923. с. 39-41, 78, 79.
- 56 Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 219, 322.
- 57 Борская крепость Бузулукского уезда с ее населением, землями и угодьями в начале текущего столетия // Самарские губернские ведомости. 1882. 24 марта.
- 58 Фирсов Н. Н. Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики. Ленинград, 1924. С. 73.
- 59 Муратов Х. И. Самара и самарская укрепленная линия во время Крестьянской войны 1773-1775 годов// Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Т. III. Вып. 2. Куйбышев, 1972. С. 4, б.
- 60 Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. С. 312.
- 61 ГАСО. Ф. 803. Оп. 3. Д. 188. Тетрадь №1. С. 24-25; Преображенский П. А. Очерки истории Самарского края. Самара, 1919. С. 40-41.
- 62 БИКМ. Инв. № 2114 (Записки Шерстобитова). С. 21
- 63 Пушкин А. С. История Пугачева // Полн. Собр. Соч. Т. 8. Л., 1978. С. 244; См. также: Ложный Петр III или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельяна Пугачева. Ч. 2. М., 1809. С. 218.
- 64 Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773-1774 гг. М., 1975. С. 495.
- 65 Пугачевщина. Т. 1. Москва-Ленинград, 1926. С. 89.
- 66 ГАСО. Ф. 803. Оп. 3. Д. 188. Тетрадь №9. С. 235.
- 67 Шахмагонов Н. Ф. Не прикажите ли вешать // Военно-исторический журнал. 1990. №11. С. 92.
- 68 Иванчин-Писарев А. И. Из воспоминаний о «хождении в народ» // Заветы. 1913. № 4. с. 87.
- 69 Пугачевщина. Т. 1. М.; Л., 1926. С. 140-141.
- 70 Муратов Х. И. Указ соч. С. 23, 25-26; Буганов В. И. Пугачев. М., 1984. С. 283-285.
71. Рычков П. И. Осада Оренбурга // Пушкин А. С. Полн. Собр. Соч. Т. 9. 1-й полутом. Москва-Ленинград, 1938. С. 308-309.
72. Пугачевщина Т. 2. М.; Л., 1929. С. 395-396.
73. Там же. Т. 3. М.; Л., 1931. С. 361, 362, 363.

74. Попов С. Дороги сентября. Страницы оренбургской Пушкинианы // Рифей. Челябинск, 1981. С. 48; Носков А. А. С. Пушкин в нашем крае // Волжская коммуна. 1983. 12 июня.

75. БИКМ. Инв. № 2114 (Записки Г. А. Шерстобитова). С. 19-26.

76. Носков А. А. Пушкин в нашем крае.

77. БИКМ. Инв. № 2124 (Записки Шерстобитова). С. 26.

78. Там же. С. 26

79. Пушкин А. С. Письма к жене. Ленинград, 1987. С. 42-43, 145.

80. Борская крепость с ее населением, землями и угодьями. Из экономических примечаний к планам генерального межевания // Самарские губернские ведомости. 1882. 24 марта.

81. ГАСО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 142. Л. 2